

Т.Н.Чернова

КАВКАЗСКАЯ ОДИССЕЯ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ

На основі архівних матеріалів простежується до сьогодні ще практично недосліджена історія переселення в 40-х рр. XIX ст. на Кавказ німецьких колоністів з Катеринославської та Таврійської губерній. Проаналізовані особливості їх облаштування та причини невдачі цього переселенського проекту.

Проблема внутрішніх міграцій німецьких колоністів і меннонітів в Російській імперії не знайшла на сьогодні всестороннього комплексного дослідження. Переселення їх з Волги или из Новоросси на Северный Кавказ, в Область Войска Донского, в Сибирь, Среднюю Азию и другие регионы представлены в постсоветской литературе лишь как имманентная часть истории становления отдельных анклавов, их региональной специфики, без сопоставлений и обобщений. Это касается и рассмотрения реэмиграционных процессов. Хотелось бы привлечь внимание исследователей к новой постановке вопроса о выявлении общих тенденций, закономерностей и особенностей внутренних миграций немецкого этноса, причинно-следственных связей, направлений потоков и последствий миграций на разных исторических этапах, к анализу миграционной политики правительства в дореволюционной России.

Волна миграций немецких колонистов из Новороссии достигла Кавказа в 1840-е гг. Следует пояснить, что с 1840 г. Закавказье находилось в стадии эксперимента внедрения административной реформы барона П.В.Гана. Согласно Высочайше утвержденного 10 апреля Учреждения Закавказского края все присоединенные к тому времени к империи здешние территории были разделены на две части: Грузино-Имеретинскую губернию (куда вошла и Тифлисская губерния) и Каспийскую область. С учреждением в 1841 г. особого управления государственными имуществами – Грузино-Имеретинской и Каспийской палат – водворенные на казенных землях швабские колонии в Грузии передавались в их ведение (под высшим надзором Главного управляющего на Кавказе)¹.

В современной литературе упоминается факт переселения в Каспийскую область в 1842 г. 70-ти таврических колонистов².

В действительности в Закавказье устремилось их гораздо больше. Что стоит за этими скупыми строками, попытаемся реконструировать на основе архивных материалов.

Своеобразной предысторией вопроса было слушание в Комитете министров по записке министра государственных имуществ П.Д.Кисилева от 23 декабря 1841 г. дела о дозволении 70 семьям Вюртембергских подданных переселиться в Закавказский край на правах колонистов. Тифлисский военный губернатор сообщил в Министерство государственных имуществ (МГИ) их просьбу о дозволении переселиться на свой счет в урочище Маразы Ширванского уезда Каспийской области, близ областного г.Шемаха (западнее Баку). По мнению губернатора и отзывам начальника Каспийской области и члена Государственного совета барона Гана, основание там немецкой колонии «было бы очень полезно для жителей Шемахи» и наделение земель не представляло бы никаких трудностей. Принятие иностранцев в России для переселения с 1819 г. предполагало наличие у семьи средств – 400 гульденов (или 800 р. асс.) для покрытия издержек на водворение. Их следовало представлять в Российской миссии для пересылки местному колонистскому начальству. Тифлисский губернатор сообщил министру, что швабы Вюртемберга через своего поверенного, члена Закавказского общества поощрения сельского хозяйства, тифлисского колониста Фр.Зальцмана, выразили согласие внести положенную сумму до выезда в Закавказский край. Министр финансов Е.Ф.Канкрин, признавая 10-летнюю льготу от уплаты податей и повинностей и право ввоза без пошлины имущества и товаров на 300 р. для семьи, положительно отнесся к удовлетворению их ходатайства, при условии Высочайшего на него разрешения. Министр Кисилев, в свою очередь, считал возможным переселение на указанных условиях. Согласованность позиций в верхах позволяла Комитету министров привести это заключение к исполнению и принять Положение, утвержденное 27 января 1842 г. Николаем I. Однако в письме от 20 ноября 1842 г. Кисилева к Главноуправляющему на Кавказе Е.А.Головину сообщалось, что из 70 вюртембергских семей, которым было разрешено переселение на правах колонистов в Закавказье по сообщению российского посланника при Вюртембергском дворе, некоторые отказались от своих намерений, а другие не были найдены³.

Учитывая это сообщение, генерал-адъютант А.И.Нейдгардт, вступивший в конце 1842 г. в должность Главноуправляющего Закав-

казским краем, предложил Начальнику Каспийской области Иванову предоставить урочище Маразы пожелавшим переселиться 70 семьям немецких колонистов из Таврической губернии. Однако последние не одобрили место поселения и отправили своих представителей для поиска приемлемой для себя земли. В итоге, по представлению областной Палаты государственных имуществ, им была отведена выбранная их представителями в 7 верстах от Шемахи казенная земля по течению р. Пирсагата (а урочище было предназначено для русских переселенцев из внутренних губерний). Сообщая об этом решении Кисилеву, Нейдгардт усматривал «большую выгоду» от водворения колонистов для областного города⁴.

Как свидетельствуют документы, часть таврических колонистов стремилась переселиться также и в Грузино-Имеретинскую губернию. В январе 1843 г. начальник гражданского Управления Закавказского края князь Чавчавадзе передал в Грузино-Имеретинскую палату государственных имуществ просьбу 16 семей тавричан о разрешении им поселиться в Тифлисском уезде, близ колонии Мариенфельд. От Палаты требовалось мнение и сведения о наличии свободных земель; сбор сведений был поручен Смотрителю швабских колоний. Вскоре Палата государственных имуществ получила от начальника гражданского Управления края предписание на поселение (с разрешения Нейдгардта) прибывших в Грузино-Имеретинскую губернию 7 семей таврических колонистов. В конце июня 1843 г. Палата сообщила в МГИ о водворении их в Ахалцихском уезде и запросила, какие подати и повинности должны были платить переселенцы: те, что на прежнем месте, или наравне с закавказскими колонистами⁵.

Наконец, 30 июля Кисилеву было направлено сообщение за номером 896 Нейдгардта о том, что из 70 семей таврических колонистов, которым был отведен участок в 1790 дес. по р. Пирсагата, прибыло на место 35 семей (158 душ). Приступив к основанию здесь поселения, колонии Александринфельд, они обратились в Каспийскую Палату государственных имуществ с просьбой оказания им помощи. Причиной их бедственного положения стали дальний утомительный переход, потеря в пути большей части скота, другие утраты и болезни. Палата ограничилась выдачей ссуды в 1000 р. серебром (с расщрочкой уплаты денег до 1847 г.) и 350 четвертей пшеницы из казенного податного хлеба (с возвращением в течение 3 лет с будущего 1844 г.)⁶.

В то же время, не имея никаких сведений о согласии местного начальства Таврической губернии на переселение колонистов, а так-

же о побудительных причинах переселения, МГИ посчитало необходимым получить сведения об этом. Из полученного от Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южного края отзыва следовало, что в начале 1842 г. среди колонистов в Бессарабии и Херсонской губернии распространился слух, будто бы в Сербии предпринимается колонизация земель. Это всколыхнуло колонистов Таврической и Екатеринославской губерний и побудило некоторых сепаратистов ходатайствовать о разрешении им переселения в Грузию. Попечительный комитет, не имея уверенности в возможности этого переселения, должен был отказать просителям в ходатайстве. Но чем больше Комитет убеждал колонистов о нелепости их желания, тем настоятельнее они просили, думая, что начальство отказывает им «только потому, что дорожит ими». При осмотре осенью 1842 г. Молочанского колонистского округа, где число домогающихся переселения было наибольшим, представитель Попечительного комитета лично общался с просителями, осмотрел их хозяйства и, убедившись, что все они относились к несостоятельным хозяевам, сделал вывод о том, что от выезда их в Грузию общества колонистского округа не только ничего не потеряют, но, напротив, будут иметь выгоду в результате передачи их хозяйств другим. Тогда Попечительный комитет обратился в Грузино-Имеретинскую палату государственных имуществ с запросом: могут ли подведомственные ему колонисты быть водворены в Грузии и в каком количестве? Смотрителю Молочанских и Бердянских колоний было дано разрешение менее благонадежных просителей допустить к передаче своих хозяйств другим и – по окончании полевых работ, – снабдить их срочными паспортами для следования в Грузию. Там на месте они должны были убедиться в реальности ожидаемых ими выгод. Лишь затем выезжавшим следовало бы просить увольнения от своих обществ. По сведениям в Комитете, таких паспортов было выдано по Молочанскому колонистскому округу 15 и несколько – по Мариупольскому⁷.

Из ежемесячных рапортов шульца колонии Анненфельд и переписки с ним Смотрителя закавказских колоний Энкельмана выясняется, что первые 4 семьи колонистов из Молочной (Пришиб) прибыли сюда в конце 1842 г. На запрос Смотрителя об их поведении и религиозных воззрениях шулец дал положительные оценки: не сектанты, трудолюбивые люди. 24 января 1843 г. шулец сообщил уже о списке из 12 семей, пожелавших поселиться в колонии, и просил разрешение. В ответе Энкельман указывал, что необходимо предварительно выяснить, чем они намерены заняться и есть ли свободные земли, чтобы

прибывшим на основе информации от колонистов не пришлось бы возвращаться⁸.

Однако в январе 1843 г. из Грузино-Имеретинской палаты было получено уведомление в Попечительный Комитет, что таврические колонисты не могут быть ни приняты, ни водворены. Об этом сразу же было сообщено всем обществам. Кроме того, было отмечено, что в дальнейшем никакие просьбы о переселении в Грузию приниматься не будут. К тому же, некоторые из выезжавших в Грузию колонистов возвратились, отказавшись от переселения, и «отклоняли рассказами своими прочих». Таким образом, получается, что Попечительный комитет не давал никому разрешения на переселение, а первоначально было отпущено по срочным паспортам небольшое число семей для ознакомления с местными условиями. К тому же, МГИ располагало сведениями, что Молочанский и Мариупольский округа еще имели свободные для заселения земли. С точки зрения МГИ, колонистов к переселению побуждал не недостаток в земле, а надежда на новые льготы и пособия. Бытовало мнение, что желавшие переселения колонисты были слабейшими и несостоятельными и не могли бы принести Грузии никакой пользы⁹.

Следует отметить, что при таком, несколько однобоком отражении в документах причин миграции, был не затронут, на наш взгляд, немаловажный в данном конкретном случае мотив – религиозный. Ведь ареал выхода охватывал и колонии, основанные вюртембергскими сепаратистами.

В отношении 77 устремившихся на Кавказ семей Попечительный комитет считал, что это были те, которым дозволено было не переселяться (для чего требовалось официальное разрешение со стороны МГИ), а только ознакомиться с краем под предлогом заработков. И только если – по предварительному соглашению Закавказского начальства с Попечительным комитетом – к окончательному их отъезду не было препятствия, они могли бы переселиться в Грузию. Но не имеющих паспортов, самовольно отлучившихся колонистов, безусловно, следовало высылать на прежнее место жительства, так как в их числе могли быть многие, на отъезд которых общества не дали бы согласия (не выполненные обязанности, не погашенные долги и т.п.)¹⁰.

По мнению Комитета, к самовольным отлучкам были склонны худшие из колонистов и потворство им могло бы усилить бродяжничество. Комитет принял решение, что переселение из Новороссийских колоний за Кавказ не следовало разрешать без особенных причин,

тем более, что настаивали на этом, по оценке чиновников, люди большей частью ненадежные и безнравственные. Попечительный Комитет настаивал на том, чтобы без предварительного согласования с ним не давалось разрешение на переселение. Было высказано также опасение, что среди переселенцев могли оказаться и лица, выбывшие из колониетского звания, предъявив паспорта, полученные ими для выезда за границу.

Признавая эти обстоятельства заслуживающими внимания, как и аргументы и ходатайства Попечительного Комитета о высылке колонистов без паспортов и неразрешении им селиться без соглашения с ним, Кисилев 7 декабря 1843 г. сообщил свою позицию Нейдгардту. МГИ предоставляло окончательное решение вопроса на усмотрение Главноуправляющего краем – как из-за трудности высылки на большие расстояния, так и если он признает «полезным оставить переселенцев» для водворения за Кавказом. При этом указывалось, что им министерство «не вправе оказывать никакого денежного пособия», как самовольным переселенцам¹¹.

Попечительный Комитет в представлениях от 9 и 18 февраля 1844 г. дважды запрашивал разрешения министра государственных имуществ о переселении за Кавказ 31 семейства колонистов из Таврической губернии и одинокого Я.Гофмана (из колонии Нейгофнунг-сталь), которые на прежних местах уже передали свои хозяйства другим и по плакатным паспортам отправились в путь. Из них пожелали поселиться: 8 семей – в Анненфельде, Я.Гофман – в Екатериненфельде, а 23 семьи – в Ширванском уезде, близ Шемахи. Обе палаты государственных имуществ не оказывали этому препятствий. Прежние колониетские общества охотно их отпускали, так как в Бердянском и Молочанском округах они «обзаведений не имеют». 13 апреля 1844 г. Кисилев сообщил Нейдгардту, что, если тот не будет возражать, дать распоряжение о водворении и уведомить об этом МГИ¹². Фактически министерство дало добро.

В мае 1844 г. Нейдгардт известил Кисилева о своей согласии о поселении таврических колонистов. Еще 7 декабря 1843 г. МГИ запросило мнение начальника Каспийской области о поселенных колонистах близ Шемахи. Генерал-майор Иванов сообщал в Тифлис, что в целом от них нельзя ожидать пользы для края, так как несмотря на сделанные местным начальством пособия, хозяйство их «и теперь находится в жалком положении». Но, принимая во внимание, что возвращение при их бедном состоянии разорило бы колонистов вовсе, он предлагал не высылать, а поручить местному попечительству госу-

дарственных имуществ «наблюдать за их нравственностью и ленивых побуждать к хозяйству»¹³.

Нейдгардт разделял это мнение начальника Каспийской области, сообщив его в МГИ.

Однако к осени 1844 г. ситуация изменилась. Каспийская Палата государственных имуществ обратилась к Главноуправляющему Закавказьем с документом, в котором излагалась просьба большей части колонистов разрешить им вернуться в Таврическую губернию. Лишь только 6 семей просились перейти в Грузино-Имеретинскую губернию. Учитывая, что они «по безнравственности своей и недомоводству» при всех пособиях не успели ничем обзавестись, да и местный климат им был неблагоприятен, Палата склонялась к решению не препятствовать их выезду, хотя осознавала, что это будет для них разорительно. На этот раз Нейдгардт был согласен с мнением Палаты. На основании имеющегося у него права персонального решения, он дал разрешение колонистам выехать из Каспийской области, а 6 семьям – поселиться в колонии швабов в Грузино-Имеретинской губернии, о чем сообщил 9 ноября 1844 г. в МГИ¹⁴.

Так, часть искавших счастья в Закавказье переселенцев из Молочанского и Бердянского колонистских округов Таврии, среди них – вюртембергских сепаратистов, вернулась в места выхода. Перипетии их возвращения домой и дальнейшую судьбу лишь частично удалось проследить по документам: об умерших, сиротах, обустроившихся на Кавказе или стремившихся и позже вернуться. Некоторым грузинские колонии швабов послужили как перевалочный пункт до получения пособия на дорогу и паспортов. В архиве хранится пофамильный список 8 семей из Мелитопольского уезда, водворенных в колонию Анненфельд с разрешения Главного управления края и согласия МГИ от 19 июля 1845 г.¹⁵

Этот, на первый взгляд, незначительный эпизод из жизни таврических немцев-колонистов свидетельствует о мотивации миграций сепаратистов и хилиастов из Вюртемберга в Грузию. Возможно, их неудовлетворенности по причине несбывшихся изначально надежд. Последнее массовое переселение около 500 семей немцев из Вюртембергского королевства в Тифлисскую губернию при поддержке правительства состоялось в 1818 г. как одноразовый акт. Часть швабов под надзором Попечительного Комитета добровольно-принудительно осела под Одессой (колония Гофнунгсталь). Направившиеся следом в Грузию 99 семей сепаратистов из Вюртемберга, по Д.Брандесу, «не были допущены» туда и основали на отведенных к

северу от Бердянска землях 3 колонии: Нейгофнунгсталь, Нейгофнунг, Розенфельд и позже – Нейштуттгарт¹⁶.

Отсюда десятки семей проделали трудный путь на Кавказ в надежде на лучшую жизнь. В документах упоминаются колонии Молочанского колониетского округа Новый и Старый Нассау, Фридрихсфельд, Вейнау, Кайзерталь, Альт Монталь, Тиффенбрун и др. Поскольку в документах фигурируют по 1-3 семьи из разных колоний, видимо, это не было массовым движением.

Быстро выявившаяся несостоятельность упомянутой выше административно-территориальной реформы имела следствием введение на Кавказе в конце декабря 1844 г. института Наместничества во главе с графом М.С.Воронцовым, вступившим на эту должность в марте 1845 г. (власти наместника была подчинена и Кавказская область). В декабре 1846 г. в составе наместничества были образованы 4 губернии, в частности, была возрождена Тифлисская¹⁷.

Соответственно были переименованы Палаты государственных имуществ: в Тифлисскую и Шемаханскую. Письмо графа Воронцова от 30 мая 1846 г. в Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края отчасти проливает свет на судьбу переселившихся в Грузию таврических колонистов. 10 мая 1846 г. Попечительный комитет обратился в МГИ с просьбой решить спорный вопрос об их зачислении. Согласно переписке Комитета с Главным управлением Закавказского края о перечислении 8 семей тавричан, Тифлисская палата государственных имуществ сообщила в Комитет о водворении и зачислении их по списку, в который не были включены умершие, 5 человек. Комитет просил зачислить последних в грузинские колонии, так как они реально выбыли с семьями из Таврической губернии. Тифлисская палата доказывала, что колонисты были причислены в наличном числе душ на основании положения Совета Главного управления от 22 марта 1844 г. Комитет посчитал распоряжение Палаты незаконным и просил о причислении умерших к выбывшим семьям, так как иначе за них предстояла уплата податей. (Невольно вспоминается история Н.В.Гоголя о «мертвых душах»). Только из-за этого серьезные государственные мужи вынуждены были заниматься этим вопросом в МГИ. Сопоставив ходатайство Попечительного Комитета и положение Совета кавказской администрации, граф Воронцов пришел к выводу, чтобы причисление делалось по данным ревизии на прежнем месте жительства. С учетом специфики того, что учет колонистов для уплаты подати в Закавказье был не обязателен (так как она взималась «подымно», а не подушно), было решено, что в ка-

меральные списки вносят имена живых, а в отчетности министерства указывалось количество прибывших и выбывших колонистов (с примечанием, что платежи податей идут по числу дымов). Хотя немецкие колонии швабов кроме посемейной (с дыма) и поземельной податей облагались налогом на нужды управления колоний (по 16 коп. с души, по числу 1105 мужских душ), но на основании предписания от 16 июля 1836 г. министра внутренних дел графа Д.Н.Блудова Грузинскому гражданскому губернатору, этот налог не должен был изменяться в результате колебаний числа душ. Поэтому Воронцов не видел причин для отказа Тифлисской Палаты в удовлетворении ходатайства Попечительного комитета и предложил ей уведомить Попечительный Комитет о вымерших, чтобы там могли исключить их вместе с прочими переселенцами на Кавказ¹⁸.

Фискальный вопрос и позже требовал уточнений в списках переселенцев. Следует оговорить, что по Положению об управлении государственными имуществами в Закавказском крае, Высочайше утвержденному 21 декабря 1849 г., непосредственное заведование немецкими колониями с упразднением обеих Палат государственных имуществ (§1) возлагалось на Экспедицию государственных имуществ при Главном Управлении Закавказского края (§31), под начальством наместника. Смотритель и попечитель колоний подчинялся непосредственно Экспедиции¹⁹. По запросу Попечительного комитета в Главное управление и предписанию Экспедиции от 12 августа 1850 г. за №637 Смотрителю закавказских колоний Волянскому, им был осуществлен сбор сведений о наличии колонистов из Таврии, их посемейных списков и всех сведений для окончательного причисления к местным колониям. В отношении молочанских колонистов (по просьбе Попечительного Комитета от 11 июля 1849 г.) требовалось решить вопрос о немедленной высылке тех из них, кто поселятся в Закавказье навсегда. Рапортом от 9 ноября 1850 г. №307 в Экспедицию были представлены списки таких семей из бердянских швабских колоний. По полученным в ноябре-декабре ответам из всех закавказских колоний был создан сводный список на 18 семей, поступивший 27 декабря 1850 г. в Главное управление края для отправки в Попечительный комитет. Выяснилось, что некоторые колонисты оставались еще не причисленными к новым колониям и переселенцы должны были подтвердить свое желание вернуться к месту (к примеру, Веллер пожелал возвратиться в Кронфельд). Так, только к 1851 г. был утрясен вопрос о положении таврических колонистов, осевших в Ан-

ненфельде, Мариенфельде (или Фрейдентале) и по 2 семьи – в Екатериненфельде и Еленендорфе²⁰.

Таким образом, кавказская Одиссея 77 (или более) семей таврических немцев-колонистов однозначно имела не для всех «счастливый конец». Точное количество переселенцев назвать невозможно, ибо по всей вероятности, были среди переселенцев и примкнувшие лица без паспортов. Попытка их основать близ Шемахи (Северный Азербайджан) колонию Александринфельд закончилась неудачей. Лишь несколько семей (и то с потерями) были водворены в немецких колониях Закавказья. Для более всестороннего рассмотрения истории миграций меннонитов и немцев-колонистов из Новороссии на Северный Кавказ, безусловно, необходим массив украинских архивных материалов. Отдельно взятый нами эпизод, в рамках анализа проблем экономического положения и религиозной жизни немецких колоний юга России, служит задаче выявления совокупности причин мобильности колонистов в регионе и по стране.

Примечания

¹ Полное собрание законов Российской империи. – изд. II. – [Б.м.], [Б.г.]. – Т. XV, № 13368; Т. XVI, № 14157. – Далее: ПСЗРИ.

² Вердиева, Х.Ю. Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане / Х.Ю.Вердиева. – Баку, 1999. – С. 69.

³ ПСЗРИ. – Т. XVII, отд. 1, № 15248; Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. – Тифлис, 1884. – Т. IX, ч.2. – Док. 572. – Далее: АКАК.

⁴ АКАК. – Т. IX, ч.2. – Док. 572.

⁵ Там же. – Док. 587; Центральный исторический архив Грузии. – Ф. 226, оп. 1, д. 5, л.223. – Далее: ЦИАГ.

⁶ АКАК. – Т. IX, ч.2. – Док. 587.

⁷ Там же.

⁸ ЦИАГ. – Ф. 226, оп. 1, д. 154, л.л. 69, 72, 94, 101-102.

⁹ АКАК. – Т. IX, ч.2. – Док. 587.

¹⁰ Пример задолжника по уплате податей А.Гросса из Нейштуттгарта подтверждал такие соображения. См.: ЦИАГ. – Ф. 226, оп. 1, д. 5, л. 29.

¹¹ АКАК. – Т. IX, ч.2. – Док. 587.

¹² Там же. – Док. 590.

¹³ Там же. – Док. 591.

¹⁴ Там же. – Док. 592; ЦИАГ. – Ф. 226, оп. 1, д. 154, л. 142 (список 6 семей).

¹⁵ ЦИАГ. – Ф. 226, оп. 1, д. 154, л.л. 128, 152.

¹⁶ Brandes, D. Von den Zaren adoptiert. Die deutschen Kolonisten und Balkansiedler in Neurußland und Bessarabien. 1751-1914 / D.Brandes. – München, 1993. – S. 103-104. См. также статьи Д.Брандеса в: Немцы России: энциклопедия: в 3 т. – М., 1999-2006.

¹⁷ ПСЗРИ. – Т. XIX, № 18679; Т. XXI, № 20701, 20702, 20703.

¹⁸ АКАК. – Тифлис, 1885. – Т. X. – Док. 90.

¹⁹ ПСЗРИ. – Т. XXIV, отд. 2, № 23753.

²⁰ ЦИАГ. – Ф. 226, оп. 1, д. 16, л.л. 2, 11, 12 об., 16-17, 23, 35-36 об.

Надійшла до редколегії 22.09.2007

О.В. Коновалова

КОЛОНИСТЫ ЮГА РОССИИ В КОНФЛИКТЕ С ЗАКОНОМ (1800–1818 гг.)

Розглянуто правовий статус іноземних колоністів Новоросії та юридична база їх засудження та покарання, класифіковані провини та злочини, скоєні ними, в період діяльності Новоросійської контори іноземних поселенців (1800-1818 рр.), показані деякі особливості та причини цього невивченого боку життя поселенців.

В многочисленных исследованиях по истории колонизации в России достаточно много внимания уделено тяжелому положению переселенцев в начальный период их заселения. Но ни в российской, ни в советской, ни в украинской, ни в немецкой историографии нами не обнаружено ни одной работы, посвященной вопросам преступности среди колонистов и правовой основе их осуждения и наказания. Лишь в известной работе Я.Дитца¹ вкратце освещена судебная система и правовая база судопроизводства для поволжских колонистов, а в монографии И.Плеве² на основе архивных документов рассмотрена организация внутреннего самоуправления в тех же колониях во второй половине XIX в. О некоторых эпизодах выступлений колонистов на Юге России против колониального управления писала Е.Дружинина³, видя в них борцов за свои права и участников общего освободительного движения крестьянства. Отдельные примеры безнравственности, лени, непокорности колонистов приведены в работах К.Штумпа, Д.Брандеса⁴ и др.⁵ Получить представление о суждениях и размышлениях герцога Ришелье и Главного судьи С.Контениуса на интересующую нас тему можно получить из документов, вышедших из-под их пера⁶.